КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА, -2000, - 25 июля. - с. 12-13

Высоцкий последний раз входит в Театр на Таганке...

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА.

«Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу...»

Двадцать лет назад умер Владимир Высоцкий. На похороны поэта и актера вышла вся страна

Людмила АБРАМОВА, жена и мать его сыновей:

25 июля долго сидела у Володи

– Людмила Владимировна, как к вам пришла трагическая весть? Вы ведь давно уже не жили вместе.

– Я помню начало этого дня, 25 июля 80-го, как люди помнят 22 июня 41-го... Рано утром проводила сына, Аркашу, в Долгопрудный – он сдавал экзамены в физтех и поехал смотреть списки: «Принят ли?» А мы с Никиткой пошли к моей маме смотреть по телевизору Олимпиаду. Ничего, естественно, не подозревая. Когда был перерыв в показе, побежали домой, беспокоясь об Аркаше, и уже в лифте услышали настойчивый звонок телефона – может быть, сын? Звонила моя сестра Лена, она сказала: «Голос Америки» передал – умер Высоцкий».

Дальнейшее все путается, все в каком-то тумане. Сестра говорит, что я ужасно кричала, – неужели? Ведь рядом был Никита. Не знаю, не помню... Помню, что я сказала – это, наверное, ошибка. Хотя знала, что последние дни были беспокойны, Аркадий сутки проводил у отца, но мысленно все повторяла: нет-нет-нет-нет. У меня было такое чувство, что если с этим безумным известием не соглашаться, его и не будет. Потом снова позвонила сестра – тебя зовет мама Володи. Поехала, об Аркаше забыла.

Нина Максимовна лежала в спальне у соседки, и, странно повяли руками, будто баюкая младенца, все время повторяла одним и тем же голосом, без модуляции, одно слово: «холодненький, холодненький...» Я сидела молча, окаменев. Потом пришел Артур Макаров, друг еще с Большого Каретного, писатель, необыкновенный человек, я его лет 13 – 15 не видела, но это было родное лицо. Он повел меня к Володе. Кроме нас двоих, там никого не было. Володю уже переодели, лежал весь в черном. Но не было ни уродства смерти, ни страдания на лице... Ощущение какой-то нереальности.

Долго я у него сидела. Марина прилетела только ночью.

– Вас удивило то людское море, которое провожало Высоцкого в последний путь?

– Нет. Еще живя с ним, я знала, что он невероятно, фантастически популярен. Люди были абсолютно везде – все заборы, все крыши, все окна, все карнизы на пути следования похоронной процессии были просто облеплены ими. Больше людей просто не бывает. И ведь мгновенно узнали! Два коротеньких газетных сообщения были уже потом, после – а узнали все и сразу. Но не количество потрясало. Я видела смерть Сталина, тогда тоже было много людей, но толпа была какая-то зноргнизованная, металась то туда, то сюда. И совсем другое выражение лиц. Тут же такое благородство выступило на почти спокойных лицах! Ни пошлости, ни дурновкусия, никто не пялился, не фотографировал Марину, хотя Влади, как мы знаете, была очень популярна. Никакой истерики – многие плакали, но плакали беззвучно.

Помню Любимова с белым платком у лица. Молчаливые слезы на лицах, проходящих у гроба. Никто не толкался, не видела я пьяных. Народ прощался со своим поэтом с таким достоинством! Это было прекрасно. Невероятное громадное событие!

Знаете, сейчас такое время, что все торжественные громкие слова кажутся порождением «совка». Но я считаю, что день похорон Высоцкого – торжественный, величавый, особенный день. Я лично могу его сравнить лишь с первым 9 мая.

– Но вы, мать его сыновей, не ехали рядом с ним...

– Для меня это не имело никакого значения. Я ехала в «рафике» вместе с Володиным отцом. Я только ужаснулась, когда увидела, что сыновей забыли посадить. Но потом Кобзон, который распоряжался машинами, нашел им место.

– И вот мы 20 лет без Высоцкого...

– Нет. 20 лет с Высоцким. Все песни его, наконец, записаны, все стихи изданы. Издана его проза. Собраны его фотографии, старенькие любительские реставрированы удивительным образом. Созданы и художественные его портреты. Эрнст Неизвестный написал парный портрет Володи с Мишей Шемякиным. Эдик Дробецкий – парный портрет с Пушкиным. Стоят в рост и смотрят друг на друга...

Владимир Высоцкий и Людмила Абрамова.

– О чем в первую очередь, как вам кажется, стоит думать в день 20-летия его ухода?

– О том, что улица уже не корчится безъязыкая. Ощущение интеллигенции 70 – 80-х годов: знаете, то самое – узок круг, страшно далеки от народа. А Володя окликнул народ – и народ отозвался. В этот день стало понятно: народ есть. А если есть народ – ничего не страшно. Лучше всего это ощущение выразила в своих тогда же написанных стихах Белла Ахмадулина. Стихи эти прозвучали, как стихи Лермонтова на смерть поэта:

«Народ невредим, если боль о певце всенародна».

Я все время повторяю эти строки. Только раньше я делала ударение на слове «народ», а теперь на слове «если»...

Инна РУДЕНКО.

Вагиз Хидиятуллин, игрок сборной олимпийской команды СССР по футболу:

На полуфинал с немцами вышли подавленными

Через несколько дней после похорон наша футбольная сборная должна была сыграть важнейший полуфинальный матч с командой ГДР.

- Мы сидели на сборах и отчаянно готовились к полуфиналу с командой ГДР. Весть о смерти Высоцкого всех покоробила. Это была настоящая трагедия. Без высоких слов обойтись трудно, но ведь и правда мы все росли, воспитывались и жили с его песнями. Даже отношение к жизни мы брали у него. Знаю, что Ярцев и Романцев до сих пор заслушиваются Высоцким... Как всегда, информацию из газет и телепередач получить было невозможно, и мы собирали слухи по крупинкам.

А на похороны никто из нас не поехал: матч с немцами был сверхважным.

Записал Павел САДКОВ.

Генерал-лейтенант милиции в отставке Николай МЫРИКОВ:

Очень хотел подойти к гробу, проститься

Он не сделал этого, потому что лично отвечал за безопасность тысяч пришедших на похороны людей

Они стояли в оцеплении, теребили выданные по случаю Олимпиады макаровы и переругивались по рации. А пришедший на похороны народ их ненавидел - за то, что мешают проститься с любимым человеком, за то, что не пускают внутрь, за ограду кладбища. Да и вообще за то, что они - милиционеры: часть карательного аппарата того государства, которое затравило Высоцкого.

Народ их ненавидел, а они глотали слезы. У большинства из милиционеров тоже хранились дома катушки с его записями. И они, как могли, старались отдать поэту последний долг. Не допустить смертоубийства на его похоронах...

Генерал-лейтенант милиции в отставке Николай Мыриков в тот день на Ваганькове был главным. Замначальника ГУВД Москвы, он был назначен руководителем штаба по проведению похорон.

- Несвоевременно умер Владимир Семенович. Такой молодой... Авторитетный, уважаемый. Всеми любимый... А главное - понимаю, черство звучит, но если откровенно - Олимпиада же в разгаре! Милиция и так пашет в усиленном режиме, двадцать четыре часа в сутки, а тут еще и это...

ИЗ ДОСЬЕ «КП»

Генерал Николай Мыриков начал службу в ГАИ. Был начальником Дзержинского РУВД Москвы, начальником столичной ГАИ, заместителем начальника ГУВД и в 91-м году - начальником ГУВД.

Ныне - советник по безопасности крупной страховой фирмы. Женат. Любимый поэт супруги Елены Васильевны - Владимир Высоцкий.

Генерал Мыриков изначально был «главным по Олимпиаде». Все москвичи помнят наведенный тогда в столице порядок: пьяниц и проституток выслали за сто первый километр, иногородние машины заворачивали по кольцевой. Все это - мыриковская работа. И когда случилось несчастье, Николай Степанович также взял командование на себя.

- Мы узнали о смерти одними из первых. Близкие Высоцкого обратились к властям - спрашивали, где хоронить. А те поставили в известность нас. Чего мы ждали? Провокаций ждали. Москва набита иностранцами - такой удобный случай...

Из этих соображений милиция сопровождала процессию на всем пути следования. В Театре на Таганке, где проходила панихида, дежурили двести милиционеров. На пути к Ваганькову катафалк сопровождала ГАИ. А возле кладбища дежурили пятьсот стражей порядка и два экипажа «Скорой помощи».

Милиционеров строго проинструктировали: вести себя вежливо и к людям не цепляться.

Единственное осложнение возникло, когда Любимов обратился к властям с просьбой разрешить нести гроб от театра до кладбища на руках. Но для этого надо было перекрывать движение по всему центру - чего, естественно, из-за Олимпиады не разрешили. Тело доставили на катафалке.

- Наша штабная машина стояла возле кладбища - на улице Сергея Макеева. Вокруг - тысячи, тысячи народа. И толпа все росла. Люди просто проходили мимо, спрашивали: кого, мол, хоронят? Высоцкого?! И оставались ждать...

Подошла процессия. Еще тысячи две! Мне стало ясно: допустить всех к могиле нельзя - подавят друг друга, да и гроб вомнут. Я отдал приказ пропустить за ограду только близких. С организаторами, кстати, мы это согласовали...

Когда могилу засыпали и родственники уехали, стали пускать и остальных. Целый день - часов восемь подряд - шла вереница людей. И все клали, клали венки - гора из них выросла на два метра от земли...

Похороны прошли без эксцессов. Ни драк, ни антисоветчины. Только нескольких человек увезли в больницу с солнечными ударами - день был жаркий.

Кстати, на протяжении своей милицейской жизни Николай Мыриков участвовал в организации доброго десятка «громких» похорон. Хоронил Сталина, Жукова, Буденного, Гагарина, Косыгина, умершего во время официального визита в Россию болгарского руководителя Димитрова, Леонида Ильича Брежнева - и всех последующих генеральных секретарей. Похороны Высоцкого генерал считает самыми «легкими». И людей пришло поменьше, и поинтеллигентнее они были, чем обычно.

Проститься с Высоцким Николай Степанович не подошел.

- По-человечески надо было, конечно... Я ведь, как все, билеты на его концерты доставал, записи слушал. Я, конечно, не знаток творчества Высоцкого, да и не претендую. Просто - нравился он мне...

И подойти к гробу хотелось, но я ведь был на работе, отвечал за безопасность людей. И потом - другим запретил входить на кладбище, а сам полез?! Некрасиво как-то...

Ульяна СКОЙБЕДА.

«Народ невредим, если боль о певце всенародна!»

Белла Ахмадулина.

... и последний раз уходит из театра.

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА.

Григорий ЯВЛИНСКИЙ, лидер движения «Яблоко»:

Проводил его у Курского вокзала

– При жизни спорили: классик он или нет. Теперь не спорят. Точность оценок, растворенность в живом языке, его влияние на язык – потому что он настоящий поэт. Когда-то Пушкин о другом поэте говорил – «он между нами жил». То же и мы можем сказать о Высоцком – он между нами жил. Чтобы петь Высоцкого, я учился играть на гитаре. И не я один.

Мне важно, что мне удалось с ним попрощаться. Шла Олимпиада, Москва была на особом режиме. Было ясно, что траурного шествия через город к Ваганьковскому кладбищу не допустят, что народ «отрежут». Я даже не пошел к Таганке. Был будний день. Я работал рядом с Курским вокзалом и вышел на Садовое кольцо к пригородным кассам за какими-то билетами. В этот момент проехали похоронные автобусы. Так я с ним попрощался.

Записала Ольга ГЕРАСИМЕНКО.

Юрий КАРЯКИН, писатель:

Ия Саввина кричала: «Почему он, а не я?!»

Звонок раздался рано утром:

– Володя умер...

Кажется, звонил Ваня Бортник.

Мы все знали про Володю. Что он жил между сердечными уколами и выпивкой. Что жил из последних сил. Но все равно невозможно было представить его мертвым.

За три дня до этого я набрал его номер – он взял трубку. Сезон закрывался «Гамлетом» – Высоцкий был Гамлет. Я попросил у него билеты для дочери. Он сказал:

– Да, конечно.

Мы были очень близки в это время. Я его страшно любил. Как свободного человека и просто человека.

Накануне похорон звонок от Юрия Петровича Любимова: чтобы завтра в 10 утра быть в театре. Мы подъехали на машине, Ира за рулем – все оцеплено.

Поставили машину у Краснохолмского моста, вышли – не пропускают.

Спрашивают:

– Какое отношение вы к нему имеете?

– Я – Карякин, – говорю, – член Художественного совета театра, это моя жена.

И тут крики из толпы людей, которых оцепление оттесняет:

– Юра, Юра, я здесь, меня не пускают!..

Кричала Ия Саввина. Там еще были знакомые писатели, актеры.

Нас пустили.

Когда вошли – сразу сильнейшее впечатление: сцена вся, метра на три в глубину, засыпана цветами. Ия зарыдала:

– Почему, почему он, а не я!!!..

Володя лежал со спокойным лицом. Около Володи стояла Марина. Оттоняла от него мух – в тот день было очень жарко, они летали, как окаянные. Юрий Петрович ходил поодаль с каким-то потерянным видом. Я подошел к Володе и долго смотрел на него. Какая-то важная часть нашей общей и моей личной жизни кончилась.

Потом началась гражданская панихида. Миша Ульянов говорил первым или одним из первых. Юрий Петрович говорил. Эдисон Денисов, наш великий композитор, его уже тоже нет. Я говорил. Это было ужасно трудно. Тихо спел Булат.

Когда гроб вынесли, началась давка. Люди были повсюду: на крышах, в окнах, на столбах. Я ничего похожего никогда не видел. И тут Любимов как великий режиссер скомандовал толпе в мегафон:

– Люди, остановитесь! Вы любите его, он любил вас, дайте ему спокойно пройти его последний путь!..

И люди расступились.

Записала Ольга КУЧКИНА.

Актер Эдуард МАРЦЕВИЧ:

В тот день у меня был концерт

– В этот день я выступал со Светланой Немоляевой в Доме актера, мы обслуживали представителей Олимпиады, вели концерт. Мы были потрясены, когда узнали, что он ушел в это утро. С трудом провели концерт. Все мысли были об одном – бежать скорее туда. Все цветы понесли к нему. Увидели целый ковер цветов около дома, по лестницам.

Зашли в квартиру. Нас впустила Марина Влади. Вышла мама. Было очень много людей в черном. К самому Володе нас не допустили, а подарили фотографию с его отпечатанной надписью.

Всегда был поклонником его таланта. Люблю петь его песни до сих пор.

Работник Ваганьковского кладбища Владимир ОСИПОВ:

Я закапывал Высоцкого...

Монолог человека, который не любил легендарного барда ни до его смерти, ни после

Владимир Осипов у могилы поэта.

Не могу сказать, что известие о смерти Высоцкого меня как-то сильно огорчило. Ни тогда, ни сейчас я не являюсь его ярым поклонником. Песни, конечно, всегда были на слуху, но чтобы заигрывать кассеты до дыр... Как артист он для меня такой же, как и все остальные. Я плачу деньги, они меня развлекают. Несомненно, уважаю их тяжелый труд, но не более.

Так вот, мы с напарником Сашой Ващенко получаем задание и в этот же вечер приступаем к работе. Сняв слой асфальта, натыкаемся на металлические рельсы. Провозившись со сварочным аппаратом до темноты, решаем продолжить с утра. Около десяти часов, превозмогая боль (а у меня жутко разболелся зуб), появляюсь на кладбище. Только приступаем копать, как начинает твориться нечто невообразимое.

Вокруг ямы, которую мы привычно углубляем лопатами, собирается толпа, почему-то с радостными лицами наблюдающая за процессом. Но где-то в 11 часов их оттесняет милиция и выгоняет за пределы ворот. А там уже такая толпа! Крыши соседних домов усеяны москвичами. Многие висят на заборах и выкрикивают: «Когда хоронить-то будем? В каком гробу? Какие на Володе будут брюки?» Противно их слушать, к тому же зуб ноет. Милиция пытается их гонять, но тщетно.

Но и рыдания слышны, перемежающиеся гитарной музыкой и его песнями.

Представляю, каково отцу Высоцкого, Семену Владимировичу, который наблюдает за нашей работой. В итоге, видимо, не выдержал, он уходит, печально попросив: «Ребята, сделайте все хорошо». Подходит группа людей, представившаяся друзьями Высоцкого, и начинает советовать, как лучше рыть могилу. Дескать, стеночку сделать так, земельку кидать так, а дно вообще выложить кирпичом.

Затем сквозь оцепление ко мне проскакивает молодой паренек и протягивает спичечный коробок и десять рублей: «Набери земли из ямы, пожалуйста». Отдаю полный коробок и пытаюсь вернуть деньги, но парня уже и след простыл. Видимо, в толпе он тут же рассказал о своем подвиге – через минуту к нам чуть ли не очередь с коробками выстраивается. Пришлось с помощью милиции и отборного мата прогнать охотников за землей.

Кстати, как мне рассказали позже, кто-то в толпе потом успешно толкал порции песка по червонцу.

К полдвенадцатому заканчиваем работу, глубина такая (Владимир Осипов вытягивается на цыпочках и поднимает руку вверх. – **Авт.**), где-то два метра 30 сантиметров. Всю яму обтесали, сделали валик – заглаживанье. Вырыли в полный профиль с запасом сантиметра по три с каждой стороны. Все же непростое захоронение, такие люди будут присутствовать, вот и решили сделать все по высшему классу. Нам даже выдали чистую черную робу.

Очень долго ждали. В итоге появляется траурный кортеж. Нам к этому времени уже прислали четырех человек с хоздвора. Наконец гроб с покойным ставят рядом с ямой, вокруг которой тут же собирается толпа актеров и прочих знаменитостей. В окружении нескольких мужчин в черном появляется Марина Влади. То ли охранники, то ли просто сопровождающие подвели ее к гробу, подложили под ноги картоночку. Влади с резиновым лицом наступает на нее, заглядывает в могилу и, как мне показалось, изображает, что плачет. Может, просто плакать-то было уже нечем.

После нее могилу осмотрел Семен Владимирович и сказал нам: «Спасибо, ребята». А за ним подошла все та же группа «специалистов» по рытью ям.

– Почему вы, мать-перемать, кирпичами не выложили?

– Да потому, что этого не надо, – отвечаю совершенно спокойно.

Они продолжают наезжать на меня нецензурными выражениями. Среди них был Золотухин, которого я взял за грудки и приподнял: «Хватит выпендриваться, не на свадьбе». И тут появляется отец Высоцкого. Их сразу как ветром сдуло.

После того как все простились с Высоцким, Петя Семенихин, бригадир хоздвора, забивает гроб, подносим к могиле и без сучка, без задоринки опускаем. Вот и все.

Что касается оплаты, никаких разговоров об этом и близко не было. Обычно гонорар отдавался водкой. А тут ждали-ждали, да так и не дождались. Позже мне рассказали, что назавтра кто-то привез на хоздвор ящик водки и даже немного денег, но это уже из области мифологии. Хотя водка-то у нас быстро исчезает.

Записал Александр КОЦ.
Фото Анвара ГАЛЕЕВА.

КТО БЫЛ В ПОХОРОННОЙ БРИГАДЕ (со слов Владимира Осипова):

Николай Рубцов;
Владимир Сафонов, кавалер ордена Ленина;
Патчин (имени не помнит), сейчас полный инвалид после драки;
Валерий Аниськин, работает сейчас на Ваганьковском кладбище;
Александр Ващенко, сейчас живет в Канаде;
Владимир Осипов.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Владимир Аршакович Осипов, 56 лет. Окончил факультет философии МГУ. Работал начальником лаборатории внутренних социологических исследований. Однако «по ряду причин в один момент все поменял и перестал участвовать в этой жизни и до сих пор в ней не участвую».

Бросив работу, пришел на Ваганьковское кладбище в 1978 году. Был подсобным, 11 лет копал могилы, работая за штатом. Потом ушел на Никольское кладбище, где в день рыл по три-четыре могилы. Получил прозвище «армянский экскаватор». В конце 1991 года вернулся на Ваганьковское, где и сейчас работает гравером. Хоронил артистов Эраста Гарина (роль короля в «Золушке»), Олега Даля.